

КОНЦЕПТ «ЛЕС/ЛЕСНОЙ» В ЭТНОНИМИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДАУРИИ

Статья посвящена реконструкции концептуальной картины мира этносообщества исторической Даурии. Принадлежность человека к родовому социуму, вероятно, определяла его понимание себя как неотделимой части окружающей природы. Уровень партиципации родового человека «кодируется» в родовом имени. Изучение генонимов позволило связать такие древние названия племенных объединений Северной Азии, как Дулу/Дулга, ойраты, дауры с табангутами, тунгусами-дулигатами Даурии одним и тем же семантическим значением «лесной народ(ы)».

Ключевые слова: концепт «лес/лесной»; этнонимия; историческая Даурия.

«Человек – прежде всего субъект культуры вообще и той или иной культурной исторической традиции в частности. Отсюда и только отсюда объясняются все его значимые характеристики... одним из внешних планов выражения которых служит уровень собственно психологический. А связующим звеном между уровнем общекультурной онтологии и уровнем психологии субъекта выступает субъективирующая рефлексия» [1. С. 55].

Как считают авторы, метаоппозиция *я – другое* можно условно понимать как форму субъективирующей рефлексии, которая реализуется лишь на уровне семиотизации. Семиотизация, в свою очередь, – это «кодирование», «означивание» объективно существующего мира. Субъект как «человек рода» или архаический индивид переживает в своем сознании картину мира настолько целостно, что для манифестации объективно существующей оппозиции *я – другое* родовому человеку достаточно осознавать себя членом родового коллектива.

В этом смысле родовой человек – это индивид, имеющий наибольшую витальную силу. Эта сила дана родовому человеку не только осознанием себя как части большого рода/племени, но и его максимальной близостью к природному существу. «Партиципация к роду осуществляется на основе природной животно-виталистической связи. Это пуповина онтической связи с природным универсумом, разрыв с которой длился тысячелетиями, а память о которой образует один из самых глубинных и не размываемых до конца слоев ментальности» [1. С. 295].

Потому не исключено, что трансцендентное начало менталитета родового человека отражено в родовом имени, названии, имеющем явно знаковый характер. Одним из таких этнонимов, проявляющих по своему семантическому значению неразрывную связь родового человека с природой, является название «Лесной народ». Семантическое значение этнонима, на наш взгляд, и проявляет эту связь человека с природой, определяя его место в ней.

Данная статья посвящена проблеме реконструируемой концептуально-языковой картины мира отдельного этносообщества определенной территории. Название «Лесные народы» впервые было упомянуто в тексте «Сокровенного сказания монголов», созданного предположительно. В 1240 г. В «Сокровенном сказании» сказано, что «В год Зайца (1207 г.) Чжочи [старший сын Чингиз-хана] был послан с войском Правой руки к Лесным народам», которых он покорил быстро и «без потерь людьми и лошадьми» [2. С.118]. Известно, что территориально историческая Даурия совпадает с землями, занятыми племенами Лесных народов.

Под этим соционимом подразумевались, по видимому, все те большие и малые родоплеменные груп-

пы лесной зоны Северной Азии, куда входила и территория исторической Даурии. Соционим Лесные народы объединял не только племена и этнические группы разной языковой принадлежности, для которых тип таежного образа жизни, включая кочевки по лесной зоне, охоту, возможно, и оленеводство, являлся преобладающим. Среди перечисленных в тексте «Сокровенного сказания монголов» племен Лесных народов упоминаются Тумен-Ойраты или Ойраты [2. С. 118].

Справедливой представляется трактовка этнонима *ойрот* как *ой* /монг. (монгольский язык)/ + *ород* /монг./ 'лесной народ', предложенная в свое время Д. Банзаровым [3. С. 103]. К тому же Д. Банзаров приводит замечание Рашид-ад-дина о том, что «эти лесные народы, отделенные от прочих монголов самую природою, говорили языком, несколько отличным от языка прочих монголов, и по образу жизни и занятиям были по преимуществу звероловами» [3. С. 102].

В XIX в. известный путешественник и исследователь Монголии Г.Н. Потанин, ссылаясь на предание, записанное П.С. Палласом в калмыцком варианте об ойрот-дюрбютах, пишет, что народ этот состоял из четырех племен: Олють, Хоить, Тюмедь и Барга-Бурать [4. С. 667]. Названия этих племен, по преданию, соотносятся с именами четырех братьев – сыновей легендарного Ойрот-хана. Предание косвенно объясняет этимологию этнонима ойрот-дюрбют посредством монгольского языка как *дөрвөөд ард* 'четыре народа', где *дөрвөөд* от монгольского *дөрөв/дөрвөн* 'четыре', *ойрод* от *ард/ардүүд* 'народ, народность/народы, народности' /монг./ + *ой* 'лес; лесной' /монг./. Таким образом, в переводе с монгольского этноним ойрот-дюрбют означает буквально 'четыре лесных народа'. Подобная практика деления монгольских племен Северной Монголии на четыре сумына, поколения или подроды, как замечает Г.Н. Потанин, существовала у тува-уряньхайцев, киргизов, алтайцев и других племен.

Однако не все этнонимы и генонимы возможно интерпретировать посредством монгольского языка, что может служить своего рода временной «фиксацией» образования оних. Более древним этнонимом по сравнению с этносоционимом *ойрот-дюрбют*, полагаем, является название *дагур(ы)/даур(ы)*. По поводу наличия этнонима в историко-этнографической литературе аборигенов Северной Азии, периода его возникновения, какую этническую общность или родоплеменную группу обозначало это имя – однозначного ответа пока не дано. По «прозванию» *дауров* в «Отписках» служивого казака Петра Бекетова новые земли за Байкалом получили название земли Даурской или, как писали царю Алексею Михайловичу, «в Дауры» [5. С. 67]. Из-

вестная под названием «Даурия» территория включала в себя такие соседствующие регионы в прошлом, как Забайкалье, Маньчжурия и северо-западные районы Монголии и Китая. Степень изученности субстрата как в топонимии Восточного Забайкалья, так и в исторической оноимии дает возможность трактовать некоторые этнонимы и геонимы тунгусов Нерчинска, хоринских бурят от тюркских основ. Причем древнетюркское языковое начало выявляется при сравнительно-сопоставительном анализе возможных лексических аналогов корневых основ. К тому же объективность наличия древнетюркского языкового начала в этнонимии средневековой Даурии обусловлена общепризнанными в истории фактами о былом присутствии тюркоязычных племен могучих конфедераций Дулу или Дулга на изучаемой территории [6. С. 273; 7. С. 150].

Полагая а priori, что этимоны многих корневых онимических основ можно и, главное, следует искать в реконструируемых праформах тюркских языков, считаем, что лексический аналог этнонима *дагур/даур* может обнаружиться в древнетюркском языке. Так, мы предполагаем, что оним *дагур/даур* имеет в своей морфологической структуре две лексемы, имеющие фиксацию в Древнетюркском словаре. Первый слог этнонима *дагур/даур* может быть лексически сопоставим с древнетюркской лексемой *dāg* 'гора; тайга, лес' [8. С. 184]. Этот апеллатив имеет лексические аналоги практически во всех тюркских языках.

Второй слог этнонима обнаруживает явную лексико-семантическую параллель с древнетюркской глагольной формой *jōg-/jūgī* 'ходить; бродить; путешествовать; посещать'. В результате сложения лексем *dāg* 'гора; тайга, лес' + *jōg-/jūgī* 'ходить; бродить' получаем вполне приемлемую лексическую форму *dāg jūr(i) ~ daur ~ daur*, означающую буквально 'лес + бродяга', т.е. лесной (человек), таежный бродяга. Заметим, что данная модель образования номинативных единиц в алтайских языках распространена и имеет конкретные языковые примеры в говорах, например в нижнеудинском бурятского языка, повторяя общемонгольский тип. В.И. Рассадин относит подобного рода неаффиксальный способ словообразования в бурятском языке к способу фонетического сращения словосочетаний, когда фонетические границы составных лексем размываются и происходит фонетическое стяжение компонентов в единое фонетическое целое [9. С. 222–224].

Стяжение первоначальной формы *dāg -jūr(i)* в *дагур/даур*, обусловленное выпадением интервокального -g- [γ], объяснимо слабостью позиции конечного согласного звука -g- (γ) в древних двузвуковых словах древнетюркского языка [10. С. 49]. Справедливости ради заметим, что имеют хождение две лексические формы этого этнонима, в одном из которых и сохранился слабый согласный -γ- *дагур*, но исчез в ониме *даур*.

Существование двух форм онима, когда в одном из них сохранился слабый согласный, вполне может служить своего рода языковым подтверждением относительной древности этнонимного *дагур/даур*. Под этим этнонимом были известны в свое время Лесные народы, обитавшие в лесной зоне Северной Азии. Как видно, исконной зоной обитания *дагуров* была горно-таежная, лесная зона исторической Даурии. Это леса

Баргузина, северные районы Забайкальского края в бассейнах рек Витим, Олекма, Чара вплоть до Большого Хингана в Приамурье.

Средневековый иранский летописец Рашид-ад-дин разделяет монголоязычные племена XII в. на две группы: лесные или звероловецкие, живущие у Байкала, в верховьях Енисея и Иртыша, и степные, или скотоводческие, кочевавшие по степным и горным пастбищам от границ Китая до Алтайских гор. Со временем степные племена стали более многочисленными, а потому и могущественными. В более поздние эпохи именно степные племена стали занимать ведущие позиции в социальной организации монгольских племен. Однако по тексту «Сокровенного сказания монголов» видно, что и Лесные племена также представляли собой отдельную силу, не подчинив которые монголы не смогли бы утвердиться на всем пространстве Северной Азии.

Поэтому, гипотетически предполагая, что племена Лесных народов органично вошли в состав позднего автохтонного населения Нерчинского уезда – тунгусов и бурят, следует обратиться к конкретным геонимам бурят и тунгусов Даурии. Так, Ц.Б. Цыдендамбаев писал, что в первой половине XIX в. Батанайский род не входил в состав хори-бурят, а был в числе трех *табангутских* родов, которых принято относить к селенгинским бурятам (группы племен, расселившихся по р. Селенга). Восемь селенгинских родов, по данным исторических хроник самих селенгинцев, по выходе из Монголии расселились по р. Селенге, т.е. в районах Юго-Западного Забайкалья, с начала второй четверти XVII в. [11. С. 238].

Табангуты, по данным Б.О. Долгих, совершали набегги с монголами на тунгусов, кочевавших в пределах Еравны, Хилка, Куды, Уды, вплоть до Иргенского острожка. Наблюдались и факты нападения *табунутов* «на русских и хоринцев в низовьях Селенги, в Прибайкалье и Забайкалье». Когда политическая ситуация стала меняться в сторону русских, некоторые группы *табунутов* стали принимать русское подданство. После событий 16 сентября 1688 г., когда воевода Ф.А. Головин за Большим Хилком разбил *табунутского* тайшу Серень Секулая (в 1670 г. тайша Цакулуй), 1200 юрт *табунутов* попросились в русское подданство и позже даже участвовали в походах русских против монголов. Окончательно *табунуты*, в 1719–1721 гг., бежав в пределы России, образовали здесь 1, 2, 3-й *табунутские* роды [12. С. 320–321].

Ц.Б. Цыдендамбаев, как и Е.М. Залкинд, считает этнический состав *табангутов* разнородным, смешанным объединением элементов собственно монгольских и омонголившихся этнических групп. По поводу этноязыковой принадлежности рода Ц.Б. Цыдендамбаев, исключая толкование *табангут* Е.М. Залкинда как «множественное число от числительного пять (тав(ан) 'пять')» /монг./, склоняется к мнению О.М. Ковалевского о том, что *табунут/табангут* «восходит к монгольскому княжескому титулу табунанг» [11. С. 238]. На наш взгляд, эта версия этимологии геонима *табунут* основана на лингвистическом явлении омонимии, на почве которой возникает толкование *табунут* как табунанг 'князь/княжеский'.

Предлагаемая нами гипотеза по поводу геонима *табунуты/табангуты* позволяет выявить лексическое

соответствие корневой основы генонима *таб-/тав-* с основами в следующих онимах. Так, в эвенкийском лексема *тэвэ* означает 'народ, племя' в значении 'иноплеменник', что предполагает экзонимное начало *тэвэ* [13]. Б.О. Долгих отмечает в составе сымских и касских остяков Енисейского уезда – дюканов – наличие родов Товар и Табаров в 1629 и 1633 гг. [12. С. 146]. По его мнению, эти роды являлись 'иноплеменниками' для эвенков, т.е. чужим для них народом или племенем. Возможно, что объективность этого мнения подтверждается еще и тем, что лексема *тавыс* в современном ненецком языке означает 'нганасаны'. Иначе, роды Товар, Табаров – это нганасаны, которых так называли юраки-ненцы.

К тому же в кетском языке имеется близкая ониму *табунут* лексема *табаң* 'лес' в значении 'лесной'. Как видно, корневая основа кетского *табаң* 'лес' могла стать именно той искомой лексемой, которая стала основой многих генонимов. Поэтому определить однозначно языковую принадлежность родового названия *табунуты/табангуты* селенгинских бурят сложно. По-видимому, объективным будет тезис о том, что посредством этих онимов обозначалась некогда единая этносоциальная общность, которую можно определить как «Лесные народы» исходя из относительной «древности» кетской лексемы *табаң* 'лес'. В монгольское время оним *табангуты/табаңгүүд* «приобрел» монгольский аффикс множественности, что определяет время его фиксации в изустной форме генеалогических преданий бурят.

При лексико-семантическом сопоставлении онимов эвенкийского *тэвэ*, кетского *табаң*, ненецкого *тавыс*, хори-бурятского *табангут* выявляется общая корневая основа *таб-/тэв-/тав-*. Семантическим наполнением этих лексических единиц является, по-видимому, кетское *табаң* 'лес'. Не исключено, что кетское *табаң* 'лес' стало основой названия «Лесные народы», в состав которых входили племена разной этноязыковой принадлежности. На основании этих рассуждений адекватной представляется версия этимологии *табангут* от кетского *табаң* 'лес', т.е. «лесные (люди)». В постмонгольское время из этого сообщества Лесных народов выделились собственно нганасаны, которых впоследствии юраки-ненцы «прозывали» экзонимным *тавыс*.

Таким образом, объективная этногенетическая связь бурятских родов *табангут* с Лесными народами X–XII вв. монгольского периода истории Даурии доказывает их автохтонность на исследуемой территории. По-видимому, не исключено и наличие каких-то иных генонимов, доказывающих связь аборигенного населения Даурии с Лесными народами, которые могут обнаружиться и в среде тунгусских родовых имен Нерчинского уезда XVII–XIX вв.

Среди родовых названий нерчинских тунгусов геноним Дулигатский по численному составу занимает видное место (генонимы Дулигатский и Дулигарский относимы к названиям с одной корневой основой, т.е. лексическими вариантами исторического этносоционима Дулу). Так, по ревизии от 1816 г. таковых насчитывалось семь родов: Перводулигарский зайсана Алексея Истомина, Втородулигарский, Дулигатский род старшины Ивана Николаева, Перводулигарский отдельного десятка десятника Семена Суханова, Перво-

дулигатский десятника Баканчи Домаева, Перводулигарский дополнительный Афанасия Епова, Перводулигарский шуленги Берекея Масюкова [14]. В последующее время число родов уменьшается, и, наконец, в документах второй половины XIX в. нет упоминаний о тунгусах. Вместо них появляются документы о «государственных крестьянах», приписанных в ведомства сереброплавильных и горнорудных заводов Забайкалья. Этот факт «исчезновения» тунгусов объясняется процессами ассимиляционного порядка, когда за весьма короткий период тунгусов Даурии посредством их русификации «превратили» в русскоязычное крестьянское население [15. С. 5]. В региональной ономастике еще не изучены до конца собственно «тунгусские» имена, в частности Дулигатских/Дулигарских родов, которые к ревизии 1858 г. полностью имеют русскую антропонимическую систему [16].

Полагаем, что геноним Дулигаад/Дулигар/Дулар также может иметь вероятную семантическую связь с представленным концептом «лесной», как вышеописанные этнонимы и генонимы *ойрот-дюрбют*, *дагур/даур*, *табунут/табангууд*. Свою версию этимона генонимного Дулигатский мы соотносим с этимологическим значением названия *долган*. Б.О. Долгих в статье «Происхождение долган» заметил, что «уже в начале нашего столетия название *долган* самими долганами, особенно восточной их частью, произносится, может быть, в результате влияния якутской фонетики, как *дулган*» [17. С. 106]. Это наблюдение Б.О. Долгих, основанное на свидетельстве В.Н. Васильева, о вариации этнонима *долган/дулган* является весомым условием для нашей попытки сопоставления генонима тунгусов Нерчинска Дулигатский с этнонимным *долган/дулган*.

При анализе генонима обнаруживается, что в морфологической структуре генонима Дулигатский присутствуют русский суффикс -ский, монгольские аффиксы -л(и)га и -аад. При подобном морфологическом составе названия выделяется условная корневая основа *ду-*. Ранее мы уже писали об этимологии генонимной основы *ду(л)-/ду(р)-* [18. С. 106–109]. Корневое *ду-*, будучи в разные эпохи «оформленным» разными аффиксами, в составе которых явно выделяются вышеуказанные слабые согласные *l, ɣ, r* Ду-л-ар/–Ду-л(и)-гат, Ду-рой, действительно может представлять собой иллюстрацию тезиса о наличии древних двузвуковых сочетаний тюркских языков.

В аспекте наших наблюдений высвечивается весьма древний «возраст» онима, что позволяет нам сопоставить основу генонима Дулигатский *ду(л)-* с самоназванием долган *тыа-кихи* «лесные люди», имея в виду, что самоназвания возникают в весьма отдаленные исторические времена. В случае этого возможного соотношения возникает необходимость пояснения произошедших фонетических изменений от формы *тыа-кихи* до *ду(л)-*.

В связи с этими соображениями уместно напомнить о том, что этнонимы и генонимы, будучи одним из наиболее древних разрядов онимической лексики, наиболее архаичны, а потому и консервативны. В этом, естественно, основная роль фиксации лексико-семантического значения онима отведена корневой

основе. Тогда как аффиксы, например, множественного числа менее устойчивы к изменениям по своей природе, находясь на грани между формантами, выражающими словоизменительные и словообразовательные категории. К тому же эта часть она более всего подвержена влиянию суперстрата, адстрата разного языкового происхождения. Замечено, что «многие из субстратов и адстратов, воздействовавших на формирование алтайских языков, пока остаются невыясненными, что, впрочем, характерно также и для индоевропейских языков, различие которых по всем уровням языков объясняется также воздействием невыясненных, неизвестных субстратов» [10. С. 90].

Возвращаясь к проблеме этимологии корневой основы *ду-* генонимного Дулигатский и других родовых названий тунгусов Нерчинска, выскажем следующие соображения о «превращении» древнего самоназвания долган *тыя-кихи* в Дулигатский. Исследователи монгольских языков отмечают «переход исконного *t* в звонкий *d* почти повсеместно в юго-восточных и южных халхаских диалектах, в некоторых чахарских диалектах и в языке монголов Ордоса» [19. С. 73]. Поэтому не исключено, что аналитное согласное *t*- этнонима *тыя-кихи* изменилось на более слабый *d*- монгольских языков. В этнониме изначальное *t*- перешло в монгольских диалектах в *d*-, т.е. изначальная форма *тыя* [tya]- «перешла» в *дыя*- [dya]. Эти соображения по поводу передачи этнонима *тыя-кихи* посредством монгольских языков опосредованы мнением Н.Я. Бичурина о монголизации названия Дулга. Действительно, в этнониме Ду-лга аффикс -лга имеет явное общемонгольское происхождение [9. С. 182]. Транслитерирование изначального *тыя* [tya]- в *дыя*- [dya] могло произойти при посредстве носителей каких-то юго-восточных, южных, ордосских или чахарских диалектоносителей монгольского языка.

В отношении звукоряда гласного дифтонгоида долганского *-яа-* возможно предположить, что этот ряд мог быть заменен со временем на гласную *-у-* в ониме Дулга. Следует сразу же пояснить, что этот вероятный переход гласного звукоряда также опосредован фактом исторической транслитерации. В.И. Рассадин в качестве отличительной черты бурятского языка наряду с другими фонетическими моментами отмечает наличие смешаннорядной фонемы *э* вместо переднерядного *е* других монгольских языков [19. С. 15]. «Этот бурятский звук *э* акустически близок к русскому *ы* или к т у р к с к о м у (разрядка наша. – Р.Ж.) смешанному *ы* и отличается от них только своим более открытым характером. Не случайно поэтому, когда приходится передавать бурятские слова средствами русской орфографии, то бурятский звук *э* (графическое *э*) почти всегда обозначают буквой *ы*... Особенно закрытый характер носит фонема *э* в речи западных бурят, почти приближаясь к *ы*» [19. С. 15].

В.И. Рассадин пишет, что «может быть, поэтому А. Орлов, автор одной из первых грамматик бурятского разговорного языка, выпущенной в 1878 г., писал о произношении бурятского *э*, что особенно этот звук, помимо всех других гласных звуков, может произноситься как *ы* в кударинском, ольхонском, х о р и н с к о м (разрядка наша. – Р.Ж.) диалектах» [19. С. 15].

Примечательно, что подобного рода явление зафиксировано лингвистами-монголооведами, в частности Н.Н. Поппе, и в дагурском языке [20. С. 16]. В.И. Рассадин объясняет это явление в системе гласного звукоряда влиянием тунгусо-маньчжурских языков, «так как для тунгусо-маньчжурских языков как раз и характерно подобное произношение звука *э* (в них, кстати, он тоже гласный смешанного ряда), бывающего подчас даже огубленным» [19. С. 16]. Поэтому вероятность нашего предположения о «превращении» изначального *тыя-* в *дыя-*, потом в *ду-* может быть подтверждена приведенными моментами исторического развития контактирующих языков. К тому же возможность нашего предположения о транслитерации изначального *тыя-/дыя-* в Ду-лга объясняется и учетом ареальной близости хоринского диалекта бурят, тунгусо-маньчжурских языков и дагурского.

Однако эта гипотеза о природе данного явления приемлема в отношении, возможно, дагурского языка и объясняется ареальным языковым контактированием на территории исторической Даурии. А чем объясним наличие подобного явления в диалектах западных бурят? Напомним, что подобное явление замечено и в тюркских языках. Не могло ли это явление остаться в бурятском, в дагурском языках как реликтовое и иметь в последующем аналогичное развитие в долганском языке, например?

В старо-письменном монгольском языке центральная слабоогубленная гласная *ө* произносилась только в первом слоге, тогда как во втором слоге читалась как *ү*. Это положение вполне объясняет образование этнонима Ду-лу при «участии» старомонгольского, где оним мог иметь следующий вид – дө[л]ү. В последующие периоды в связи с историческим развитием языка древнее *ө* в монгольских языках преобразовалось в *у*. В.И. Рассадин отмечает, что «наиболее развито оканье в дагурском языке и в монгольских диалектах Внутренней Монголии, где оно пронизывает буквально всю систему вокализма» [19. С. 11]. Вероятно, что этим и объясняется «появление» позднего этнонима *до-лга(н)/ду-лга(н)*, возникшего, по-видимому, на дагурской, например, языковой почве, сменившего прежде самоназвание *тыя-кихи*.

В.И. Рассадин проводит аналогию артикуляционных особенностей бурятского *ө* и дагурского *э*, произносимых с той же ротовой артикуляцией, что и звук *э* в этих словах в других бурятских говорах, правомерно объяснить влиянием тунгусо-маньчжурских языков, особенно эвенкийского...» [19. С. 20], что не противоречит нашей гипотезе о языковой природе онима. Появление фонемы *ө* на месте исконной древней фонемы *е* (вследствие «перелома» гласного *е*) можно проиллюстрировать на примере исторических онимов, таких, например, как лексическая вариативность этнонимов тыйеле/теле/телеут(ы) ~ Ду-лу/Ду-лигаад/ Дулигатский/ Дулигарский < Дө -лу < тыя-кихи/кижи. Подобная вариативность обусловлена также наличием в среде тунгусских родов Нерчинска Долоцкого/Долотского рода, основа которого могла произойти именно от формы Дө-лу. Таким образом, этимологическое значение генонимного Дулигатский/долган может быть связано и с

упомянутым исконным значением «лесные люди» – *тыя-кихи*, где тюркское *кихи/кижи* означает ‘человек/люди’.

Возможно условно представить следующее развитие основы этнонима Дө-лу как одного из древнейших названий в последующее самоназвание долган *тыя-кихи*, произошедшее в результате взаимодействия ареально-языкового союза: Дө-лу < тье - ле/те - ле < тыя. Небезынтересно также и то, что помимо своего основного самоназвания *долган* долганы также называют себя и соседних эвенков *тыя* (мн.ч. тыалар) или *тыя-кихи* (мн. ч. тыа-кихилэр), т.е. «лесные люди» или «кочевые люди» [17. С. 105]. Очевидно, что собственно этноним *тыя-кихи*, равно как и экзоним *тыя-кихи*, отражает общее этноязыковое алтайское «прошлое» тунгусо-маньчжурского племени эвенков и тюркоязычных долган, объединенных в

свое время одним общим соционимом «лесные народы/люди». Однако, как указывал Б.О. Долгих, долганы, в отличие от соседних родов аборигенов Сибири, «были рыболовами и охотниками» и жили в XVII в. в юртах, а не в чумах [12. С. 462], что подтверждает тезис о неоднородном составе «лесных людей».

Таким образом, собственно лингвистическое исследование, подкрепленное осознанием структурированности особенностей менталитета отдельного социума в определенном пространственно-временном континууме, способно выявить «закодированную» систему общественного ментального порядка, когда родовой человек считался неотделимой частью природного универсума, что нашло отражение в древних родоплеменных названиях некогда единой этнолингвистической общности Средневековья исторической Даурии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
2. Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 318 с.
3. Банзаров Д. Собрание сочинений. 2-е изд., доп. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 240 с.
4. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. 1024 с.
5. Балабанов В.Ф. История земли Даурской. Чита: Эффект, 2003. 400 с.
6. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи: В 2 ч. М.: Восточный Дом, 2002.
7. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. 463 с.
8. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. 298 с.
9. Рассадин В.И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. 234 с.
10. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981. 135 с.
11. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972. 662 с.
12. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 622 с.
13. Сравнительно-сопоставительный тунгусо-маньчжурский словарь: В 2 т. / Отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. 1143 с.
14. Государственный Архив Забайкальского края. Ф. 1-о.
15. Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М.: ИНИОН РАН, 2006. 172 с.
16. Государственный Архив Забайкальского края. Ф. 55, 300.
17. Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. М., 1963. Т. 5.
18. Жамсаранова Р.Г. Диахронный аспект этнонимии Даурии // Материалы IV Всероссийской научной конференции «Урал – Алтай: через века в будущее». Уфа, 2010. Т. 1.
19. Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
20. Porre N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955. P. 103.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 февраля 2011 г.